

УДК 316.4

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ КОНСТРУКТ ФИЛОСОФСКОГО ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ЭНТРОПИИ В ПРОЦЕССАХ ВОСПРОИЗВОДСТВА СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Воробьев Геннадий Александрович

Кандидат педагогических наук, заведующий кафедрой информационно-коммуникационных технологий, математики и информационной безопасности Пятигорского государственного университета, г. Пятигорск, e-mail: vorobyev@pglu.ru

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL CONSTRUCT OF PHILOSOPHICAL STUDY OF SOCIAL ENTROPY IN THE PROCESSES OF REPRODUCTION OF SOCIAL REALITY

Gennadiy A. Vorobyev

Candidate of Pedagogical Sciences, Head of the Department of information and communication technologies, mathematics and information security, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, e-mail: vorobyev@pglu.ru

В статье рассматривается презентация теоретико-методологического конструкта социально-философского изучения социальной энтропии как инструмента социально-философского анализа, нацеленного на выявление смысловых траекторий и форм репрезентации социальной энтропии в российском обществе.

Ключевые слова: социальная энтропия, теоретико-методологический конструкт, социально-философская рефлексия, воспроизводство социальной реальности, смысловые траектории и формы репрезентации социальной энтропии, социальная дезорганизация.

The article contains the presentation of theoretical and methodological construct of social and philosophical study of social entropy as a tool for socio-philosophical analysis, aimed at the identifying of semantic trajectories and forms of representation of social entropy in Russian society.

Keywords: social entropy, theoretical and methodological construct, socio-philosophical reflection, reproduction of social reality, semantic trajectories and forms of representation of social entropy, social disorganization.

Теоретико-методологический конструкт исследования социальной энтропии в процессах воспроизводства социальной реальности, способный адекватно отразить и объяснить смысловые траектории и формы репрезентации социальной энтропии в российском обществе, основан на таких теоретических подходах, как социальная рискология и теория социального хаоса, позволяющих обратить внимание на некоторые общие закономерности самоорганизации в развитии социума, переосмыслить роль аналогий в процессе познания, обозначить перспективы использования наработок этой теории в построении модели социальной энтропии.

В.В. Василькова, исследуя природу социального порядка и социального хаоса, выделяет несколько вопросов методологического характера, которые возникают при упрощенной трактовке понятия энтропии. Среди них, в частности, такие: в какой степени установление социального порядка можно отождествлять с энтропийными процессами (можно ли сказать, что упорядочение – это неэнтропийная тенденция, или, наоборот, оно связано с ростом энтропии); является ли однородность элементов системы, в том числе и социальной, атрибутом порядка или она ведет к дезорганизации и хаосу, или, может быть, структурное разнообразие является гарантом устойчивости и, следовательно, более сложного и «надежного» порядка [1, с. 157].

Предлагаемый методологический конструкт исследования социальной энтропии в процессах воспроизводства социальной реальности способен отразить смысловые траектории и формы ее репрезентации в российском обществе.

Базисными понятиями конструкта выступают такие, как *социальная реальность*, *воспроизводство социальной реальности*, *социальная энтропия*.

Под *социальной реальностью* в социальной философии понимается содержание жизненного мира социального субъекта, пространства социальных институтов и культурных объектов. Общество выступает как необходимая организационная форма воспроизводства социальности. Задача социальной философии – анализ сущности и существования социальной реальности как подсистемы целостного мира.

Осуществляя такой подход, социальная философия пересекается с теоретической социологией. При этом разные течения социальной философии предлагают различное понимание природы человеческого общества. Сторонники номиналистической точки зрения фактически отказывают обществу в онтологической реальности, отличной от суммарной жизнедеятельности индивидов. Представители социологического реализма понимают общество как надындивидуальную систему, которая,

складываясь во взаимодействии людей, обладает интегральными свойствами, отсутствующими у индивидов. Но для каждого из философских направлений остается несомненным наличие некой социальной объективности, которая одновременно является и условием, и полем деятельности личности, как и любого другого социального субъекта.

Выступая как данность, социальная реальность есть одновременно результат собственной деятельности личности и любого другого социального субъекта (посредством которой снимается противопоставление объективного и субъективного); благодаря этому данность превращается в социальное пространство деятельности социального субъекта, которая может быть описана и как присутствие, и как забота, и как освоение и присвоение социального мира. Социальная реальность представляет собой раскрытие ряда модусов бытия, их специфической «вещности» на каждом уровне социальной организации в их онтологическом статусе; она включает в себя и *res extensa* («протяженные вещи»), и *res cogitans* («мыслящие вещи»), т.е. конструкторы материального характера и феномены внутреннего субъективного мира человека [2].

Социальный философ А.А. Грицанов не без оснований пишет, что исчерпывающее отображение социальной реальности посредством ее категориального структурирования и организации – трудноосуществимая проблема. Модель классической науки трактует социальную реальность как изначальную данность, т.е. в качестве объекта. Задачи, связанные с экспликациями интерсубъективности, алгоритмов социального взаимодействия, межличностной и межгрупповой коммуникации, а также особенностей структур языка, выносятся классическими схемами за рамки соответствующих проблематизаций, выступая в роли в целом непроясненных оснований социальной теории (А. Шюц). В результате перманентное историческое изменение корпуса трактовок взаимоотношений в системе «человек – культура – социальный мир», реализовавшееся в XX в. в процедурах антропологического, лингвистического и коммуникационного поворотов в социальной философии, неизменно сопровождается достаточно радикальными корректировками наличных моделей социальной реальности, сформулировал три взаимосвязанных положения относительно социального и природы социальной реальности [3].

А.Е. Сериков предлагает моделировать социальную реальность как систему событий, смысловая связь которых образуется в результате практического обобщения каждым событием конечного множества его образцов. Под социальными событиями понимаются смысловые аспекты человеческих действий, раскрываемые через смыслы предшествующих действий, инкорпорированные в габитусах действующих людей. Модель

совмещает представление о бесконечности взаимосвязанных по смыслу событий с представлением о конечности каждого конкретного смысла. Это объясняет и преемственность смысла, и его изменение – иногда незначительное, а иногда и радикальное [4].

Постановка и решение проблемы социальной реальности оказались тесно связанными с темой ее воспроизводства как сохранения и изменения общества, отчетливо вписанной в пространство социокультурной трансформации. Проблема воспроизводства общества как формы социальной реальности только недавно стала предметом исследовательского внимания. Конечно, термин «воспроизводство» употреблялся в социально-гуманитарном знании, но использовался в значении «повторение прошлого опыта в его неизменном состоянии» и противопоставлялся производству как процессу активной преобразовательной деятельности. Однако воспроизводство не сводится к простому повторению.

Для С. Матвеевой категория «воспроизводство» как социально-философская, а не экономическая воплощает способность субъекта постоянно восстанавливать себя вопреки различного рода негативным, а иногда и деструктивным внешним и внутренним факторам, обеспечивать свое существование и развитие. Воспроизводятся все формы человеческой деятельности, воспроизводственной по самому своему определению. Существует три типа воспроизводства: деструктивное, простое и интенсивное [5].

Социальная энтропия определяется нами как социокультурный феномен, воплощающий совокупность характеристик социальной реальности, сложившихся в ходе социального взаимодействия и отражающих меру ее отклонения от условно нормального (эталонного) состояния, системную социальную неопределенность в жизнедеятельности личности и социума, уровень социального порядка и социальной организации в условиях социокультурной динамики.

Подобный авторский подход отталкивается от предложенной Н.П. Фетискиным модели изучения социальной энтропии, включающей ее базисные критерии и их проявления в различных сферах жизнедеятельности; факторы или источники неопределенности и их влияние на самочувствие, жизненные планы и межличностные отношения в социальных группах, гендерные стратегии преодоления социальной энтропии и апперцептивные концепции в социализации детей и молодежи [6].

Немаловажную роль сыграл также культурологический подход И.А. Донниковой, которая увязывает социальную энтропию с неупорядоченностью особого рода – рассогласованностью индивидуальных интенций взаимодействующих субъектов, препятствующей их самоопреде-

лению. В таком состоянии социума снижается возможность становления человека как уникального культурного формообразования, а общество трансформируется либо в безликую, аморфную массу, либо в такой же безликий, но жестко иерархичный порядок [7].

Ряд исследователей обращают внимание на то, что смысл всех переходов социальной системы от порядка к хаосу и наоборот состоит в поиске устойчивости (достижении такого состояния, при котором переходы системы из одного состояния в другое прекращаются). Этот поиск проявляется в двух противоположных тенденциях: 1) стремлении к максимально неупорядоченному состоянию (хаосу) в замкнутых (изолированных от внешних взаимодействий) системах; 2) стремлении к тем или иным формам упорядоченности (при определенных условиях) в открытых системах [8].

Характеризуя условно эталонное (нормальное) общество, представляется возможным выделить следующие его черты: социальная и структурная определенность; социальная целостность; эффективный социальный контроль; устойчивое духовное и нравственное состояние общества; устойчивое положение личности в обществе, осознание человеком собственного достоинства; высокая культура труда; развитое правосознание; развитая политическая культура и устоявшееся политическое поведение; целостное историческое сознание и историческая память.

Социальная энтропия находит свое проявление в таких траекториях, как распространение социальной дезорганизации и чередование порядка и хаоса как доминант.

Траектория распространения социальной дезорганизации содержательно обусловлена тем, что в основе любого изменения скрыты возможности распада и хаоса, которые не имеют ни причин, ни целей, обеспечивая лишь непрерывное движение. По аналогии возникло определение энтропии как меры «беспорядка», «дезорганизации» системы и негэнтропии – как меры ее организации. Дезорганизацию в этом смысле можно рассматривать как нарастание энтропии.

Траектория чередования порядка и хаоса находит свое выражение в том, что развитие любой сложной открытой системы всегда проходит через чередование стадий порядка и хаоса. Хаос – это процесс дезорганизованный, беспорядочный, случайный и непредсказуемый. Однако можно предположить, что даже в состоянии динамического хаоса допустимы взаимообусловленность, согласованность необратимых флуктуаций, которые в особых случаях могут создавать «резонансный эффект» согласованного, когерентного действия, влияния на развитие системы [9].

В этой связи Г.А. Сатаров показывает, что всякий социальный порядок содержит встроенные в него подструктуры (роли, отношения, институты и т.п.), которые берут на себя функцию расшатывания и преодоления действующего социального порядка. Причем эти подструктуры существуют в обобщенном смысле легитимно, они охраняются обществом наряду с другими компонентами социального порядка, в том числе отвечающими за его стабильность. Иными словами, любой социальный порядок содержит в себе зародыш своего отрицания. В свою очередь, философ И.К. Джерелиевская обращает внимание на то, что пространство социального порядка, взятое в аксиологическом аспекте, с субъектной стороны выступает как нормативно-символическая реальность, представленная ценностями и нормами культуры, прежде всего моральными, религиозными, эстетическими. Пространство и время социального порядка выражают всеобщие формы символической и смысловой реальности, ее ценностное содержание и целевые установки, где моделируется внутренняя структура личности. Чем более сложноорганизованной и универсальной является культура с ее конструктивными ценностями, лежащая в основе социального порядка, тем более разнообразным по личностно выраженным позициям становится пространство этого порядка. Когда приоритеты субъективно-культурно-ценностного пространства и времени вытесняются на периферию, подрываются статус личности и потенциал ее встроенности в структуры социального порядка, вследствие чего растут неустойчивость и незащищенность и личности, и общества [10].

Предложенный методологический конструкт позволяет также выделить формы репрезентации социальной энтропии.

Следуя Е.М. Бабосову, конкретные проявления социальной энтропии весьма многообразны и воплощаются в снижении уровня организации, эффективности функционирования, темпов социального бытия. Кроме того, они характеризуются возрастанием неопределенности, неупорядоченностью в действиях людей, их социальных групп и общностей, социальных организаций и институтов, недостаточным уровнем или недоиспользованием информации, прежде всего научных знаний, в процессе организации и управления данной системой [11, с. 16].

Сам по себе риск может выступать как форма проявления неопределенности. Риск – сложное явление, имеющее множество несовпадающих, а иногда и противоположных основ. Это обуславливает существование целого ряда различных определений понятия «риск», в разной мере соответствующих сфере их применения.

Немаловажным представляется и замечание Л.Д. Бевзенко о том, что общество может быть одновременно гомогенно (признак высокой энтропии) и очень неравномерно (иерархично). Причина такого парадокса и явной неадекватности энтропийных теорий наблюдаемой социальной реальности состоит в отсутствии изначального разделения организационных и самоорганизационных составляющих в социальной динамике. То понимание социальной энтропии, которое соответствует социальной самоорганизации, должно быть разведено с представлением, ориентирующимся на рассмотрение организационного порядка, связанного соответственно с организационной энтропией. Последнее есть более привычным в силу того, что представление о порядке чаще всего ассоциируется с организационным порядком. И социальная энтропия предстает как степень разрушенности формальных порядков. С этим связаны названные парадоксы энтропийных теорий [12, с. 177–178].

Формы репрезентации социальной энтропии позволяют установить, что сущность и специфика ее проявления в современном российском обществе обусловлены как влиянием культурно-исторических трендов-доминант, действующих на основе закрепившихся социально-исторических условий, так и политическим курсом правящей элиты.

В итоге предложенный методологический конструкт выступает в качестве инструмента социально-философского анализа, нацеленного на выявление смысловых траекторий и форм репрезентации социальной энтропии в российском обществе.

Литература

1. Василькова В.В. Порядок и хаос в развитии социальных систем (синергетика и теория социальной самоорганизации). СПб., 1999. 480 с.
2. Качалкина А.В. Социальная реальность как объект философского анализа : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Волгоград, 1999.
3. Грицанов А.А. Социальная реальность: осмысление основных парадигм // Вопросы социальной теории. 2008. Т. II, вып. 1 (2). С. 133–147.
4. Сериков А.Е. Конечность событийных смыслов как основа модели социальной реальности // Вестник Самарской гуманитарной академии. Философия. Филология. 2006. № 1 (4). С. 126–129.
5. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная дина-

References

1. Vasilkova V.V. Poryadok i haos v razvitií socialnykh sistem (sinergetika i teoriya socialnoy samoorganizacii). SPb., 1999. 480 p.
2. Kachalkina A.V. Socialnaya realnost kak obyekt filosofskogo analiza : avtoref. dis. ... kand. filos. nauk. Volgograd, 1999.
3. Gritsanov A.A. Socialnaya realnost: osmyslenie osnovnykh paradigm // Voprosy socialnoy teorii. 2008. T. II, vyp. 1 (2). P. 133–147.
4. Serikov A.E. Konechnost sobytiynykh smyslov kak osnova modeli socialnoy realnosti // Vestnik Samarskoy gumanitarnoy akademii. Filosofiya. Filologiya. 2006. № 1 (4). P. 126–129.
5. Akhiezer A.S. Rossiya: kritika istoricheskogo opyta (sociokulturnaya dinamika

мика России). Т. 2 : Теория и методология : словарь. Новосибирск, 1998. 600 с.

6. *Фетискин Н.П.* Феномен социальной энтропии и гендерной самореализации в изменяющемся обществе // Мир лингвистики и коммуникации : электронный научный журнал. 2007. № 6. С. 133–134.

7. *Донникова И.А.* Социальная энтропия: культурологический аспект [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nbu.gov.ua/2009/> (дата обращения: 10.02.2010).

8. *Палатников Д.Е.* Роль социальной синергетики в познании социально-политических явлений : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Иваново, 2009.

9. *Мельник М.А.* Взаимообусловленность порядка и хаоса и возможность прогноза в развитии сложных самоорганизующихся систем [Электронный ресурс] // Проблемы устойчивого развития: иллюзии, реальность, прогноз : материалы шестого постоянно действующего научного семинара «Самоорганизация устойчивых целостностей в природе и обществе». URL: <http://pozdneyakov.tut.su/> (дата обращения: 10.02.2016).

10. *Сатаров Г.А.* Как возможны социальные изменения. Обсуждение одной гипотезы // Общественные науки и современность. 2006. № 3. С. 25–26.

11. *Бабосов Е.М.* Антиэнтропийная направленность человеческого бытия и социальная энтропия // Социология. 2011. № 1. С. 11–19.

12. *Бевзенко Л.Д.* Социальная самоорганизация. Синергетическая парадигма: возможности социальных интерпретаций. К., 2002. 437 с.

Rossii). Т. 2 : Teoriya i metodologiya : slovar. Novosibirsk, 1998. 600 p.

6. *Fetiskin N.P.* Fenomen socialnoy entropii i gendernoy samorealizacii v izmenyayushhemsya obshhestve // Mir lingvistiki i kommunikacii : elektronnyy nauchnyy zhurnal. 2007. № 6. P. 133–134.

7. *Donnikova I.A.* Socialnaya entropiya: kulturologicheskiy aspekt [Elektronnyy resurs]. URL: <http://www.nbu.gov.ua/2009/> (data obrashcheniya: 10.02.2010).

8. *Palatnikov D.E.* Rol socialnoy sinergetiki v poznanii socialno-politicheskikh yavleniy : avtoref. dis. ... kand. filos. nauk. Ivanovo, 2009.

9. *Melnik M.A.* Vzaimoobuslovlennost poryadka i khaosa i vozmozhnost prognoza v razvitii slozhnykh samoorganizuyushhihsya sistem [Elektronnyy resurs] // Problemy ustoychivogo razvitiya: illyuzii, realnost, prognoz : materialy shestogo postoyanno deystvuyushhego nauchnogo seminara «Samoorganizaciya ustoychivyx celostnostey v prirode i obshhestve». URL: <http://pozdneyakov.tut.su/> (data obrashcheniya: 10.02.2016).

10. *Satarov G.A.* Kak vozmozhny socialnye izmeneniya. Obsuzhdenie odnoy gipotezy // Obshhestvennyye nauki i sovremennost. 2006. № 3. P. 25–26.

11. *Babosov E.M.* Antiyentropiynaya napravlennost chelovecheskogo bytiya i social'naya entropiya // Sociologiya. 2011. № 1. P. 11–19.

12. *Bevzenko L.D.* Social'naya samoorganizaciya. Sinergeticheskaya paradigma: vozmozhnosti socialnykh interpretaciy. K., 2002. 437 p.